

Joanna Korzeniewska-Berczyńska

"Польскость" и "русскость" в мифологическом зеркале : к вопросу о современном публичном дискурсе

Acta Polono-Ruthenica 11, 287-296

2006

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Joanna Korzeniewska-Berczyńska
Olsztyn

„Польскость” и „русскость” в мифологическом зеркале. К вопросу о современном публичном дискурсе

Крах иллюзий приводит часто к душевному и духовному кризису, который способствует каждый раз возрождению ареального мировосприятия. С сознательным восстанавливанием кумиров мы имеем дело в обоих, польском и русском, „загубленных” в трансформационном хаосе, социумах.

Отображение самого актуального мифотворчества мы находим, естественно, в современной публицистике, создаваемой со значительным участием мыслителей-интеллектуалов, которые, как правило, адекватно реагируют, пытаясь осмыслить и духовные, и реально происходящие события.

Лексемы *польскость*, *русскость*, если даже имеются в толковых словарях, но они определяют положительные черты данной нации. Вместе с тем, они довольно популярны на уровне текста, причем русскости сопутствует советскость, а польскости непереводаемое *поляцкость* (*polac-kość*), причем последняя номинация обладает исключительно негативными коннотациями.

Осмысление этих феноменов проходит в границах и мифологизации, и демифологизации, причем суть мифа здесь понимается как „особое состояние сознания, нейтрализатор между всеми культурными бинарными оппозициями, в том числе, – между правдой и ложью, между иллюзией и реальностью”¹. „Мифы – это всегда компенсация несвершениям, замена тому, чего нет в нашей жизни. Тяга к мифу обосновывается вечной мечтой человека о справедливости, о граде Китеже, о кисельных берегах, но, кроме того, – подспудной верой в преимущества, связанные с принадлежностью к данной нации”².

¹ В.П. Руднев, *Словарь культуры XX века*, Москва 1999, с. 170.

² А.Ф. Лосев, *Знак. Символ. Миф*, Москва 1982; М. Элиаде, *Космос и история*, Москва 1997.

Если соотнесем сказанное с проблематикой, обозначенной в заглавии, то даже одно наблюдение позволяет отметить, что в обоих этносах очень актуальным стал вопрос, кто мы? Именно на этой почве ведутся рассуждения и о польскости, и о русскости, причем над обеими мифологемами витает некий „сверхмиф” как воплощение веры, что очередная социополитическая трансформация обозначает свершение человеческих грез о новом качестве жизни.

Многочисленные попытки ответить на вышеназванный вопрос сопровождаются запросом на героев, ибо „народу необходима общая цель, которая позволяет действовать как единая сила”³. Тем более, что „мы, поляки, (мы русские) вполне достойны такой жизни в силу своих небанальных качеств”.

Фактический материал, предмет анализа в данном тексте, отобран из газет и журналов за годы 1995–2005, имеющих рекомендательный характер. Используются публицистические тексты общепризнанных мыслителей, таких как: R. Karpiński, J. Tazbir, J. Tischner, J. Kuroc, J. Romianowski, Н. Толстой, Д. Гранин, Д. Лихачев и многие другие.

Польские пространства конструкции и низвержения очередных мифов переплетаются друг с другом, создавая конгломерат желаемого с действительным. Своды всех новых и обновленных национальных мифов создаются приверженцами правой идеологической ориентации, критическое же отношение к мифологической польскости свойственно обитателям левой стороны социополитической сцены.

В первую очередь, обратим внимание на исторические мифы, ибо они формируют пространство самодовольства, уверенности в своих преимуществах и своей неповторимости, дающей право осуждать, учить, направлять и т.п.

Итак, главенствующий исторический миф поляков заключается в обожествлении народных восстаний. Поляки умеют, пожалуй, как никто другой, бороться за независимость, испытывая потом трудности в ее использовании. Восстания оцениваются как единственный и незаменимый способ борьбы, которая не считается с жертвой крови, с фактом, что таким образом каждый раз погибает цвет нации. И хотя все они заканчивались поражением, то в нашей традиции принято праздновать очередные годовщины как память о триумфах. Отсюда стереотип поляков как народа „существующего благодаря восстаниям, а не кропотливому труду”

³ J. Campbell, *Potęga mitu*, Kraków 1994, с. 50.

(Prz, 23.01.05). Когда поляки терпят поражение, то, однако, говорится о моральной победе: „Все, что польское, мы обожаем. Из поколения в поколение кочуют мифы о непобедимой кавалерийской атаке, и о насущной необходимости в «жертвах на алтаре Родины. Вместо извечных мессианских страданий, лучше было бы пригнуться за работу” (GW, 22.01.05).

Из исторических мифов, которыми питается современность, надо обособить миф о Народной Польше как о преступном во всех отношениях государстве, управляемом такой же преступной коммунистической партией. Здесь польскость демонстрируется в ипостаси нетолерантности, субъективизма, агрессивности. На этой почве возрождается демократически-капиталистический миф о единственно правильном учении. Так проявляет себя психология „осажденной крепости”, которая свойственна правым экстремистам, в том числе, правому крылу не испытывающих сомнений духовных отцов католической Церкви. М. Janiön определяет этот мифологический источник как „заклятый круг доминирования, навязчивости, унижения, постоянной демонстрации высокомерия и собственного превосходства” (GW, 2.10.04). Сопоставляя многочисленные симптомы пандемии увлеченности историческим мифом, их постоянной продукцией, с трудной и серой польской действительностью, надо согласиться с Я. Тазбиром, когда он говорит: „Чем счастливее нация, тем меньше у нее желания смотреть назад с целью искать оправданий” (Prz, 17.01.02). Итак, польской действительности сопутствует тиражированная экстремистами уверенность, что самой совершенной формой существования нации является борьба, а подобная идеология отражается на содержании публицистического дискурса поляков, изобилующего инвективами, а также более „изошренными” формами самовыражения.

В таком контексте целесообразно сказать о демифологизации нашей религиозности, которая выражается в мифологеме Польша – оплот христианства. В названном пространстве процветает лицемерие, превалирующее над искренностью настоящих католиков. В этой связи напрашивается сплошная аналогия с историческим периодом XVIII века: „Саксонское время – это ханжество в службе политики: монополия вероисповедания возведена в ранг государственной религии, физической ликвидации еретиков и безбожников. Это также годы финансового могущества Костела, имеющего право действовать вне закона, установленного грешными мира сего” (PoI, 22.06.96). Сегодня

католический Костел присвоил себе право на тотальные решения, в том числе, – право низвергать инакомыслящих, что ксендз профессор И. Тишнер назвал иронически „диктатурой благонаправных”, отнимающих у человека возможность делать выбор, самостоятельно решать о себе. А „машина времени движется вперед. Правда, можно мечтать о непоколебимой католической польскости, мерить костюмы прадедов, проверять, хорошо ли они на нас сидят” (Prz, 18.08.04).

Одним из корифеев демифологизации польскости надо считать Е. Гедройца, директора Мезон Лафитт, польского харизматического культурного центра, активно действующего в Париже в годы Народной Польши. Он последовательно предлагал, даже требовал, чтобы своевольные и не в меру амбициозные поляки отказались „от теней прошлого, освободились от комплекса вечной жертвы, определили границы исторической памяти, избавляясь от одержимости призраками и пленения упырями” (GW, 23.10.04).

Не без участия мифологизированной истории возникает сегодня дифференциация на „польскость” и „поляцкость”, причем это не однобокое, манихейское деление. „Польскость” в интерпретации мыслящих членов нации характеризуется многими недостатками. „Поляцкость” абсолютно уверена в своем превосходстве, в принадлежности к избранному народу, а ее носители из-за своего „абсолютного совершенства” далеки от самокритических суждений. Вместе с тем осознание своей недоскональности, сопровождающей добродетели, есть предпосылка самосовершенствования, уважения к другим нациям, приближения к реальности.

На основе обильной литературы, а также собственных наблюдений мы выделяем некоторые негативные свойства польскости. Это традиционные склочничество и агрессивность, а также приобретенная еще в двадцатом веке нетолерантность⁴. Это прославленный польский гонор, проявляющий себя в неприязненном, даже пренебрежительном отношении к другим нациям, особо к соседям, и вообще, – в сильных ксенофобии и этноцентризме. Неискренности сопутствует склонность ко лжи, согласно „новоприобретенному” принципу: Цель оправдывает средства. Шпиономания сопровождается аномальной подозрительностью, а также доношением, которое оказалось сегодня подтвержденным фактом, последствием „демократической” демифологизации.

⁴ И. Коженевска-Берчинска, *Польская толерантность в идеале: глазами современных мыслителей*, [в:] *Культурные практики толерантности в речевой коммуникации*, ред. Н.А. Купина, О.А. Михайлова, Екатеринбург 2004, passim.

С таким багажом мы стремимся „в Европу”, пытаясь, однако, ввести в нее свой устав и, таким образом, утверждая негативные стереотипы о поляках. Надо согласиться, что „уже несколько лет продолжается мистификация действительности, которая началась с мифологизированной уверенности, что если Польша не пройдет этапа декоммунизации, то она не станет достоверной для европейских союзников” (Nie, 21.02.05). Миф польской европеизации заменяет нелицеприятную действительность; согласно политологическим анализам, в сравнении с другими европейскими странами, у нас „самый длинный рабочий день, самая низкая зарплата, самая высокая безработица” (Prz, 12.02.05).

Необособлено мнение, что „никогда еще в Европе не говорили о Польше так плохо, как сегодня. Мы изолированы как склочники, которые тянут одеяло на себя [...]. Наша страна зациклена на своем эгоизме, уверена в своей исключительности” (GW, 3.07.04). Нашей европеизации мешает также предвзятое отношение к России, тем более, что „статус в Европейском Союзе обусловлен во многом характером отношения к России” (GW, 6.03.05).

Российский текстовый материал, касающийся мифологизированной русскости, указывает также на несколько другие приоритеты, причем здесь преобладают мрачные тона, посредством которых развенчиваются старые и создаются новые мифы. Этому процессу сопутствуют злоупотребление категориями „национального характера”, а также „ментальности”, применяемыми с целью обосновать, часто – оправдать, нелицеприятное не только в советском прошлом, но и в „демократическом настоящем”. Кроме того, рассматриваются вопросы душевности-нравственности, причем в тесной взаимосвязи с российской идеей, мифологизируется рынок, который представляется как очередная панацея от всех невзгод, как верный путь эффективных поисков града Китежа⁵.

Безусловно, русскость теснейшим образом связана с советскостью, понимаемой здесь как имманентная составная русскости. Ее посредством создается мифология советского прошлого как первопричины неудачных реформ. Синтезирующим можно считать в этом аспекте мнение Д. Гранина: „Наша советская жизнь ушла, и безвозвратно. Ушла во многом не от разума. Стыдно, что мы ее перечеркнули и оттолкнули от себя. Таким манером мы в свое время отказались от всего царского, дореволюционного.

⁵ И. Коженевска-Берчинска, *Антропоцентрический анализ парадигмы рынка в языковой картине мира россиян*, „Русский язык в центре Европы” 1999, № 1, passim.

Теперь схватились за все это. Так же глупо и то, как мы сегодня поступаем в отношении к советской жизни. Потом будем ее сочинять [...]. Каждый общественный строй в состоянии существовать лишь в том случае, если в нем есть какие-то позитивные начала. В советской жизни они, безусловно, были. Теперь мы делаем вид, что ничего этого не было” (ЛГ, 24.11.04).

В восприятии инокультурного исследователя основополагающим является также миф о национальной идее, которая представлена как противопоядие от всех духовных и душевных невзгод. Однако „поиски национальной идеи оказались так же бесплодны как сами реформы” (ЛГ, 4.03.98). А. Зиновьев разоблачает призрачность такой идеи, заявляя: „Имеется идеологический беспредел с усиливающимся православием, влиянием западной идеологии, с тоской по вселенской национальной идеей, [...] великие идеи рождаются только для великих целей, а в России таких нет” (ЛГ, 20.02.02). И синтезирующее мнение: „Национальная идея (каждый ее понимает по-своему) – это словесное выражение очень распространено. Объединяет всех желание найти такую идеологию, которая по силе воздействия на массы была бы подобна советской, но чтобы одновременно была отрицанием разгромленной и оплеванной советской идеологии. При этом она должна быть национально русской” (ЛГ, 27.02.02).

Здесь уместно сказать еще о присутствии русскости магическом мышлении, суть которого выражается в отсутствии надежды на собственные силы, в вечной вере в доброго царя-батюшку. „Собственную безалаберность мы склонны объяснять происками врага, темных сил” (МН, 1.11.98). И еще: „Российскому мифологическому мышлению свойственна мечта о том, что все проблемы в стране будут решаться чудом, а чудо называется революцией. Каждую осень 7 ноября мы празднуем день рождения государства, уничтожение которого мы празднуем 12 июня” (АиФ, 2001, № 45).

Можно ли говорить о константности мифов равенства-справедливости? Мнения на эту тему полярны; одни считают, что они никому не нужны, и никто к ним сегодня не стремится, другие, – что они „оставляют элементарное требование народной души. Не внимать им – значит пытаться сделать из России какую-то иную страну, с иной психологией, иным национальным обликом” (ЛГ, 28.04.99).

Наблюдается также поворот общественного сознания к т.н. общечеловеческим ценностям, особо к христианским, мифологизированным как ведущие и обязывающие. И А. Кончаловский считает: „Мы живем

категориями середины двадцатого века, все время уверены в том, что надо служить чистым идеям” (АиФ, 1999, № 34).

Еще на перестроечной почве вырос миф нецивилизованности, к которому россияне признаются с мазохистским сладострастием. Это можно понимать как результат комплекса неполноценности, извечной мифологизации западных миров: „Не нам подражают, но мы подражаем. Реформы, чтобы непременно как в Америке, демократия, на ее манер. Не зная ни сути, ни ментальности нации, которой подражаем, срисовываем смлуэты, чтобы непременно как у них” (О. Попцов, ЛГ, 6.02.02). И еще: „Извечная русская черта – увлекаться заемными красотами до самозабвения и умопомрачения, заводить себе по всякому случаю новую религию и веру” (ЛГ, 24.11.04).

Исследуя обильный публицистический материал, можно прийти к выводу, что общественное сознание питается за счет двойственного отношения к мифам советскости, а также новой мифологизации Запада и дореволюционного российского феодализма. На этой почве возрастают еще другие мифы как эффект капиталистически-рыночных перемен. Имеется в виду богатая мифология-мифологизация рынка, который был нами раньше анализирован в разных аспектах. Можно лишь добавить, что в России (и в Польше) переменны воспринимаются как идея и как фетиш, возрождающие веру в лучшее, но обозримое будущее.

Желательно еще обратить внимание на мифологию плюрализма, которая процветает в перестроечное время, становясь иллюзией в наши дни. Напомним точное значение этого социологического термина. Итак, это „существование разных форм политической, экономической, культурной жизни как главного принципа устройства правового общества, но это также многообразие, множественность взглядов, мнений и т.п., дающих возможность свободного выбора”⁶. Надо согласиться, что в т.н. демократическое время „российский плюрализм превращается в очередное единственно правильное учение” (НГ, 2.04.2000). Другим типичным мифом наших дней, превоплощающего жаждущего духовности русского человека в прагматика, является миф бизнесмена. К концу перестройки этот новый феномен воспринимался сугубо отрицательно, однако со временем многие россияне, подобно полякам, поддались магии денег, и таким образом бизнесмен для многих становится героем, носителем многочисленных положительных качеств, объектом социального уважения, но и зависти:

⁶ J. Campbell, *op. cit.*, с. 92.

„В прошлом среди молодежи преобладало желание быть космонавтами, а сейчас, – космического масштаба бизнесменами” (Век, 12.01.99).

Прежде чем резюмировать данные рассуждения, я процитирую рефлексию В. Рыбакова: „Высокодуховны, бескорыстны и храбры ли русские? Конечно! А ленивы ли они? Да разумеется. Национальный характер – сложнейший сплав качеств, в котором недостатки есть лишь порождения достоинств, а достоинства – порождения недостатков. Однако для выживания нации отнюдь не все равно, на чем делает акцент господствующий миф” (ЛГ, 11.08.04).

Если принять во внимание отобранный фактографический материал, изучаемый глазами инокультурного исследователя, то можно отметить, что современная русскость – советскость не отличается коренным образом от характеристик польскости – поляцкости. Сходства можно, пожалуй, объяснить аналогичным воздействием рыночно-капиталистических трансформаций, а различия, естественно, обоснованы историей, которая, в свою очередь, формирует и национальный менталитет, и национальный характер.

Современная русскость находится, как можно полагать, в стадии формирования, а сказанное относится и к польскости. Стремление к свободе в советское время ассоциировалось всегда с борьбой за права человека. Инакомыслящими и того времени, и дня насущного не учитывается факт, что право на труд, здравоохранение, учебу – это тоже права человека, которые явно попорчены в наше сильно ущербное капиталистическое время.

Современная русскость характеризуется осознанием мифологичности социальной справедливости. Сегодня создаются новые мифы, согласно которым расслоение общества, в данном случае, на – новых русских, бюджетников, вообще социально незащищенных – закономерно. Свобода как залог справедливого, по крайней мере, – человеческого мироустройства, также оказалась плодом истосковавшегося воображения, мифологемой новой действительности.

Подобно Польше, в России патриотизм стал расхожим и многозначным понятием, перекованным в оружие борьбы со всеми инакомыслящими по отношению к данной группировке или партии.

К концу перестройки из публицистического диалога исчезает толерантность, а это приводит к возрождающемуся засилью декретированного единомыслия. В такой ауре процветает национализм, даже шовинизм – не чужды, как мы помним, и современной польскости.

Клеймится безжалостно и сугубо субъективно советское прошлое, переосмысливается вся парадигма советскости, начиная с революции 1917 г., которая именуется, например Великой Вандеей. Сугубо русским является, однако, в противовес польской действительности, сплошное осознание факта, что некоторые типичные свойства гомо советикуса стали константой российской ментальности. На этой почве возрождаются настойчивые, вечные вопросы о тождественности и о национальной судьбе: кто мы? куда мы идем?

И в России ширится мифологизация, чуть ли не обожествление западного, особо американского, образа жизни, но этому идейному течению сопутствуют, создавая равновесие славянофильские тенденции в мышлении.

Деление на „мы” – „они” является имманентным свойством человеческой природы, но в отдельных этносах оно реализуется всегда специфически. В России, подобно Польше, оно проводится с большевистской напористостью, но из-за масштабности государства и сложнейшего характера нескончаемого количества социополитических проблем, названная дифференциация проходит во многих измерениях. Тем не менее гомофобия, этноцентризм, и вообще – парадигма „чужести” – неотъемлемое свойство современной русскости.

Сугубо русским надо считать неудержное стремление к духовности, которое кроме вербального, имеет также глубинный, поистине внутренний характер. В этом контексте надо также напомнить неизгладимый по сей день феномен русской души. С этими обстоятельствами связана вспыхнувшая в перестроечное время с огромной силой, хотя потом попорченная за счет идеи „денежного мешка”, заинтересованность высшими, универсальными ценностями, возможностью нравственного оздоровления, что выражается хотя бы в экзистенциальном и глубоко духовном метафорическом вопросе: „Какая улица ведет к Храму?” Он распространяется, начиная с 1987 г., благодаря незабываемой кинокартине Т. Абуладзе *Покаяние*. Кстати, эта улица пока не найдена, так как чем более неблагоприятная действительность, тем заманчивее иллюзии и мифы, которые сегодня буквально пронизывают как российскую, так и польскую социальную жизнь.

В заключение напомним еще раз: „Чем счастливее нация, тем меньше у нее желания смотреть назад с целью искать оправданий”. С большой долей уверенности можно предполагать, что увлечение мифологизацией,

как составная соответственно, польскости и русскости, заменяет реальную жизнь, камуфлируя причины очередных несвершений, обманутых человеческих надежд.

Принятые сокращения:

GW	–	„Gazeta Wyborcza”
Nie	–	„Nie”
Pol	–	„Polityka”
Prz	–	„Przegląd”
АиФ	–	„Аргументы и факты”
ЛГ	–	„Литературная газета”
МН	–	„Московские новости”
НГ	–	„Независимая газета”
Н газ	–	„Новая газета”

Streszczenie

*„Polskość” i „ruskość” w zwierciadle mitów
– na podstawie dyskursu publicystycznego*

Dyskurs na temat „polskości” i „ruskości” prowadzi wielu wybitnych myślicieli wypowiadających się na łamach prasy opiniotwórczej. Koncept „polskości” tworzą głównie mity historyczne, a przeobrażająca się gwałtownie „ruskość” to w znacznym stopniu totalna krytyka sowieckiej przeszłości oraz apologia czasów carskich.

W toku analizy autorka wyodrębnia charakterystyczne cechy zarówno „polskości”, jak i „ruskości”. Zainteresowanie tą problematyką można uznać za dowód poszukiwania tożsamości narodowej, ale i za działania kamuflujące, które mają odwracać uwagę od realnych problemów społecznych.

Summary

*Polish and Russian national character reflected in myths
– based on the discourse in the press*

The discourse involves a number of prominent thinkers who express their opinions in quality newspapers and magazines. The concept of Polish national character consists mainly of historical myths, and the dramatically transforming Russian character is to a great extent an absolute rejection of the Soviet past and an equally approval of the Tsar period.

In her analysis, the author identifies the characteristic features of both Polish and Russian national character. The issue can be perceived as a proof of seeking the national identity but also as some camouflage supposed to divert attention from real social problems.